

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1503–1516.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 4 (2023): 1503–16.

Рецензия
УДК 94(47)
<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-9>
EDN WRRCKS

**«Измена флагу» как стратегия поведения военнослужащих
вермахта и армий стран-сателлитов Германии
(о статье Ларинцева Р.И, Заблотского А.Н. «Перебежчики вермахта
на советско-германском фронте в 1941–1943 гг.»)**

Владимир Анатольевич Всеволодов

Академия военных наук,
Москва, Россия,
vsevolod@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2885-2830>

Vladimir A. Vsevolodov
Academy of Military Sciences,
Moscow, Russia,
vsevolod@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2885-2830>

Аннотация. В данной статье автором рассмотрены малоизученные и дискуссионные аспекты вопроса о перебежчиках из числа военнослужащих германской армии и ее союзников на Восточном фронте в период Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено методологии и источниковедению рассматриваемой проблемы, анализу идеологических и психологических предпосылок феномена перехода на сторону противника. Автор приходит к заключению, что комплексное изучение проблемы перебежчиков открывает новые перспективы изучения истории военного плена периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советско-германский фронт, вермахт, Красная армия, перебежчики, спецпропаганда

Для цитирования: Всеволодов В.А. «Измена флагу» как стратегия поведения военнослужащих вермахта и армий стран-сателлитов Германии (о статье Ларинцева Р.И, Заблотского А.Н. «Перебежчики вермахта на советско-германском фронте в 1941–1943 гг.») // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1503–1516, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-9>

© Всеволодов В.А., 2023

© Vsevolodov V., 2023

“Deserting the Flag” as a Behavioral Strategy of Wehrmacht Soldiers and the Armies of Its Satellites (About the article by R.I. Larintsev, and A.N. Zablotskii “Defectors from the Wehrmacht at the Soviet-German Front in 1941–1943”)

Abstract. In this article, the author examines little-studied and controversial aspects of the issue of defectors from among soldiers of the German army and its allies on the Eastern Front during the Great Patriotic War. Special attention is given to the methodology and source study of the problem under consideration as well as to the analysis of the ideological and psychological prerequisites for the phenomenon of defecting to the enemy. The author comes to the conclusion that a comprehensive study of the problem of defectors opens up new perspectives for studying the history of military captivity during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet–German front, Wehrmacht, Red Army, defectors, special propaganda

For citation: Vsevolodov V.A. “‘Deserting the Flag’ as a Behavioral Strategy of Wehrmacht Soldiers and the Armies of Its Satellites (About the article by R.I. Larintsev, and A.N. Zablotskii ‘Defectors from the Wehrmacht at the Soviet-German Front in 1941–1943’).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 4 (2023): 1503–16, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-4-9>

Не подлежит оспариванию тезис о том, что история войн и военных конфликтов полна примеров перехода солдат одной армии на сторону другой. Однако выяснение таких ее аспектов, как численность перебежчиков и мотивы их перехода на сторону противника, до сих пор оставалось за рамками генеральных направлений исторических исследований проблемы военного плена периода Второй мировой войны. Актуальность подобной постановки вопроса авторы статьи Р.И. Ларинцев и А.Н. Заблотский подкрепляют отсылками к ряду работ отечественных исследователей истории плена в СССР и во «Введении» справедливо отмечают отсутствие работ, посвященных непосредственно этой проблематике¹.

Авторы статьи, понимая, что как историки они во многом являются «первопроходцами» темы, вполне справедливо останавливаются на проблемах терминологического порядка. Расширяя характеристику обобщенного понятия «перебежчик»², исследователи проводят различие между терминами

¹ Публикацию Б.Л. Хавкина, единственную по теме, попавшую в поле зрения авторов статьи, все же следует отнести к научно-популярному жанру. См.: Хавкин Б. Перебежчики-антифашисты в СССР. Как сложилась судьба бывших военнослужащих вермахта // Независимое военное обозрение. 25.08.2022. URL: https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html (дата обращения: 08.07.2023).

² Термин «Перебежчик» большинство словарей трактует примерно одинаково: «военнослужащий, перешедший в расположение противника и сдавшийся ему». См.,

«перебежчик» и «добровольно сдавшийся в плен». Подобное разделение для авторов принципиально и, по нашему мнению, в потенциале содержит необходимость анализа других аспектов феномена и требует продолжения терминологического дискурса. Между тем, без внимания авторы оставили синонимический ряд определений, отражающих различные оттенки смысла «перехода на сторону врага», в том числе такие как: «дезертир»³, «изменник», «предатель», «коллаборант».

Документальной базой исследования стали материалы, до недавнего времени не привлекавшиеся в рамках изучения истории плена в СССР. Это документы ЦАМО РФ (Ф. 229, 389, 500), его Гатчинского филиала, бывшего ЦВМА (Ф. 596), а также Национального архива США. Возможность верифицировать данные противников – Красной армии и вермахта – повышает достоверность данных и объективность выводов и относится к достоинствам статьи. Вместе с тем, ограниченность источниковой базы исследования, хотя бы и новым пластом документов, отнюдь не отменяет необходимости обращения к корпусу уже введенных в научный оборот материалов. Значительную помощь в освещении темы могли бы, по нашему мнению, представить традиционные источники: опубликованные документы Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР⁴ и Главного политического управления РККА⁵, а также мемуары советских политработников, работавших с пленными немцами на передовой, в том числе спецпропагандиста 7-го отдела Политуправления Северо-Западного фронта майора Л.З. Копелева (упоминает перебежчиков Петерса, Бурда, Мачеевского, Отромбке и Егеря)⁶ и др. Включение в анализ данных вышеназванных источников позволило бы составить более точный обобщенный социально-политический портрет

например: *Никитченко В.Ф.* Контрразведывательный словарь. Москва: Научно-издательский отдел ВКШ КГБ им. Ф.Э. Дзержинского, 1972. С. 200.

³ Verräter oder Vorbilder?: Deserteure und ungehorsame Soldaten im Nationalsozialismus / herausgegeben von F. Ausländer. Bremen: Ed. Temmen, 1990.

⁴ См., например: Серия сборников (5 томов в 6-ти книгах) под редакцией профессора М.М. Загорулько, в том числе: Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / составители М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Москва: Логос, 2000. 1120 с.

⁵ См.: Информационный бюллетень «Опыт работы на войска и населения противника» 7-го отдела Глав ПУ РККА. 1943. № 8.

⁶ См., например: Листовки 1941–1943 гг. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2549. Оп. 3. Д. 551. Л. 5, 5 об., 16.

пленного перебежчика, более детально погрузиться в механизм принятия им решения о «переходе»⁷.

Раздел «Мотивы» и данные, приведенные в нем, являются авторской новеллой. Здесь авторы попытались не только выделить и сгруппировать основные причины действий перебежчиков, но и соотнести их с внешними факторами – условиями и ходом военных действий на советско-германском фронте. Проанализированные данные (93 опросных листа, из них мотивы указаны в 17 случаях. – В. В.) Р.И. Ларинцевым и А.Н. Заблотским интерпретируются в пользу примата личных мотивов над идеологическими. При этом отмечается, что наиболее часто в первом периоде войны военнослужащие вермахта переходили на сторону Красной армии по идейным соображениям, в то время как в период первого крупного кризиса германской армии – зимы 1941/1942 гг. – немалую роль стали играть и соображения сугубо личного плана. Авторы также фиксируют на рубеже 1941/42 гг. появление еще одного основания для перехода на сторону Красной Армии у военнослужащих вермахта немемецкой национальности, например, поляков и эльзасцев, а именно, распространения информации о формировании в СССР польской армии генерала В. Андерса, а также действий на советско-германском фронте подразделения «Свободной Франции» (сначала эскадрильи, а затем истребительного авиаполка «Нормандия–Неман»). Однако было бы методологически неверно основательно не расширить теоретическую часть этого раздела. Авторы работы не объяснили и не предложили свой вариант содержания, например, термина «добровольно», не раскрыли содержание определений «мотив» и «причина». Это, на наш взгляд, не позволило исследователям соблюсти «чистоту эксперимента» и назвать условия и факторы, влияющие на механизм принятия решения о переходе на сторону врага. Вероятно, поэтому не дана характеристика одного из важнейших оснований перехода – воздействия советской фронтовой пропаганды. Таким образом, следует понимать, что мотивация «перехода» – это всегда категория комплексная, многоуровневая. Она также индивидуальна и субъективна, поэтому термин «добровольно» становится конкретновременной и оценочной характеристикой⁸.

⁷ Историю пленения Франца Бурда см. Auch der kleinste Beitrag fuer den Frieden ist wertvoll... // Böll H., Kopelew L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Merten: Lamuv-Verlag, 1981. S. 92–93.

⁸ Между тем известен факт, растиражированный в многомиллионном издании “*Einer von Millionen*” (См.: *Wigmans J.H. Einer von Millionen. 10 Jahre Russland und Sibirien. Sonderausgabe. Eindhoven: Lecturis Verlag Eindhoven, 1973*), когда человек (голландец),

Авторы статьи увязывают полноту данных о мотивах «перехода» в материалах фронтовых разведчиков с их личной инициативой и акцентируют внимание на том факте, что «перебежчик» был намного ценнее с точки зрения «качества» (правдивости) оперативной информации, чем пленный, взятый в бою. При этом сами исследователи связывают ценность и объем информации, которой располагал пленный, с продолжительностью времени, проведенного военнослужащим вермахта или армий гитлеровской коалиции на фронте. Вполне закономерно предположить, что объем и «качество» информации, имевшейся у перебежчика, воспринимались им самим как гарантия сохранения жизни, как некая «страховка». Известны случаи, когда военнопленные выдавали себя за значительную персону и/или за «владельцев секретов» только для того, чтобы продлить интригу и поддерживать «интерес» противной стороны. Подобная поведенческая стратегия гарантировала, по их мнению, сохранение жизни или даже получение каких-либо особых предпочтений⁹.

В отличие от фронтовых разведорганов, которые, как показывают исследователи, лишь в 20 % случаев интересовались мотивами перебежчиков, выяснение обстоятельств пленения (и в том числе мотивов) являлось одной из постоянных и основных тем допросов спецпропагандистами, а впоследствии и представителями Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР¹⁰. Насколько важным для спецпропагандистов было изучение личности пленного свидетельствует, например, тот факт, что психологические портреты пленных, воссозданные майором Л. Копелевым спустя много лет, необычайно точны и развернуты¹¹. В этом контексте не менее значима и личность самого опрошававшего, ибо результат диалога (полученная оперативная информация. – В. В.) зависел от профессионализма представителя

добровольно вступивший в вермахт в 1941 г., затем, будучи командиром роты 471-го пехотного полка 251-й пехотной дивизии, также добровольно 23 июля 1942 г. перешел линию фронта у д. Кокошино (13 км севернее станции Чертолино) под Ржевом. См.: Личное дело военнопленного Й. Вигманса // Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 460. Д. ОЗ-1859853. Л. 35.

⁹ См.: Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!» = “Zur ständigen Aufbewahrung”: краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27 (1942–1950 гг.). Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 2003. С. 59.

¹⁰ О недостатках политического опроса военнопленных // Информационный бюллетень «Опыт работы на войска и населения противника» 7-го отдела Глав ПУ РККА. 1943. № 8. С. 27.

¹¹ См.: Копелев Л.З. Хранить вечно: в 2 кн. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. Кн. 1. С. 59–60, 75.

«принимающей стороны», в том числе от владения им психологическими приемами¹².

Несмотря на то, что исследователи предприняли попытку подсчета «перебежчиков» в 1941–1943 гг., опираясь прежде всего на нововведённые в научный оборот, в том числе и американские источники, представить сколько-нибудь убедительную статистику, даже в масштабе северного участка советско-германского фронта, авторам статьи не удалось. Отсюда и обращение к другим участкам фронта и включение в статистику их данных. Однако и эти действия не привели к установлению общей численности «перебежчиков» в обозначенных рамках ни по годам, ни за указанный период в целом. Показатели «переходов» так и остались в размытых рамках от «исключения» до «массового». Вместе с тем авторам по результатам анализа источников удалось получить сводные данные по национальности перебежчиков. Среди выявленных перебежчиков отмечены: немцев – 57, поляков – 20, уроженцев Люксембурга – 5, эльзасцев – 11, чехов и латышей – по три человека, национальность остальных в документах не указана. Как подчеркивают авторы статьи, эта информация не стала для них неожиданностью. Доля жителей аннексированных Германией территорий среди перешедших на сторону Красной армии по итогам анализа оказалась значительно выше их доли в вермахте, что вполне объяснимо.

Следует также отметить, что статистические данные, приведенные авторами в статье, между собой не коррелируются. Так, имеются: 93 опросных листа, в 17-ти из которых указаны мотивы, и умозрительная цифра в 120–150 «перебежчиков» Группы армий «Север» за 1943 г. При этом распределение «перебежчиков» по национальностям (99 чел.) не совпадает с цифрой 93 из опросных листов. Таким образом, остальные, примерно 20–50 чел., в сортировке по национальности, вероятно, не участвовали. Мотивы их действий также неизвестны, либо не представлены во фронтовых документах.

Общие выводы авторов статьи в оговоренных параметрах, учитывая выявленные лакуны, а также интерпретация полученных результатов закономерны и логичны. Исследователям удалось проследить зависимость между обстановкой на фронте и числом перебежчиков, а также определить, что

¹² «Не допрос, а беседа», – так говорил Л. Копелев, подчеркивая, что тон и характер общения с пленным является главной основой результатов. См.: *Всеволодов В.А. Литературное наследие «черного майора»: Лев Копелев – пропагандист // Альманах германской истории. Вып. 1. К 100-летию со дня рождения Льва Копелева. Индустриальное общество в Германии и его развитие. Немцы и «Ведомство» / под редакцией В.В. Ищенко. Москва: Ленанд, 2013. С. 78–88.*

существенная доля среди перебежчиков принадлежала военнослужащим немемецких национальностей.

Не претендуя на истину, авторы статьи предполагают возможность корректировки представленных ими данных при расширении области исследования и, таким образом, заявляют об открытии новой дискуссии.

Вместе с тем следует отметить ограниченность инструментального арсенала исследования. Метод сравнительной статистики, поддержанный, например, методами социальной и военной психологии¹³, по нашему мнению, повысил бы «качество» раскрытия темы, особенно в связи с выявлением полного спектра мотивации «перехода». Узость источниковой базы исследования и как результат скудность приведенных данных, не позволили авторам провести какую-либо выборку по другим важным признакам, таким как возраст, образование, вероисповедание и пр., т.е. всего того, что в совокупности характеризует личность и формирует мотивационную базу реализованных и «перспективных» переходов на сторону Красной армии солдат и офицеров противника¹⁴. Последняя категория (офицеры) также не нашла отражения ни в разделе «Мотивы», ни в разделе «Численность». В связи с тем, что присутствует вынужденное территориальное ограничение, оговоренное авторами, а статистика оперирует главным образом данными северного участка советско-германского фронта, логично было бы скорректировать название статьи в предлагаемом варианте: «Перебежчики вермахта на северном участке советско-германского фронта в 1941–1943 гг.».

В целом статью следует рассматривать как анонс и заявку на разработку актуальной проблемы. Таким образом, можно констатировать, что представленная работа при всех отмеченных недостатках и дискуссионности некоторых тезисов и положений носит новаторский характер, интересна как по подаче материала, так и по ее содержанию и открывает новые перспективы изучения темы «Плен в СССР». Хочется надеяться, что данная статья даст старт новому витку исследований истории военного плена Второй мировой войны.

¹³ Neitzel S., Welzer H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012; Проблемы военной психологии: хрестоматия / составитель К.В. Сельченко. Минск: Харвест, 2003.

¹⁴ Klausch H.P. Antifaschisten in SS-Uniform. Schicksal und Widerstand der deutschen politischen KZ-Häftlinge, Zuchthaus- und Wehrmachtsgefangenen in der SS-Sonderformation Dirlewanger. Bremen, 1993.

The thesis that the history of wars and military conflicts is full of examples of soldiers of one army defecting to another one cannot be disputed. However, clarification of such aspects as the number of defectors and the motives for their defection to the enemy has remained outside the scope of the general directions of historical research into the issue of military captivity during World War II so far. R. Larintsev and A. Zablotskii, the authors of the article under review, support the relevance of such a formulation of the issue with references to a number of works by domestic researchers on the history of captivity in the USSR. In the “Introduction,” they rightly note the absence of works on this very issue.¹

Realizing that as historians they are “pioneers” of the topic in many ways, the authors of the article quite rightly focus on terminological problems. Expanding the characteristics of the generalized concept “defector,”² the researchers distinguish between the terms “defector” and the person who “voluntarily yielded themselves prisoner.” Such a division is fundamental for the authors and, in my opinion, potentially contains the need to analyze other aspects of the phenomenon and requires the continuation of terminological discourse. Meanwhile, the authors left without attention a synonymous series of terms reflecting various shades of meaning of “defecting to the enemy,” such as “deserter,”³ “betrayed,” “traitor,” and “collaborator.”

The materials that have not until been used in the study of the history of captivity in the USSR until recently constitute the documentary basis for the research. These are the documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (F. 229, 389, 500), its Gatchina branch (formerly the Central Archive of the Navy (F. 596), and the US National Archives. The opportunity to verify the data of the enemies – the Red Army and the Wehrmacht – increases the reliability of the data and the objectivity of the conclusions and is one of the advantages of the article. At the same time, the limitation of the source base to one group of documents, even though they are new, does not deny the necessity to refer to the corpus of materials that have already been introduced into scientific circulation.

¹ The only publication on the topic by B. Khavkin that came in view of the authors of the article under review should still be classified as a popular science text. See B. Khavkin, “Antifascist Defectors in the USSR. What Happened to the Former Wehrmacht Soldiers” [in Russian], *Nezavisimoe voennoe obozrenie*, August 25, 2022, accessed July 8, 2023, https://nvo.ng.ru/history/2022-08-25/1_1203_history.html

² Most dictionaries define the term “defector” in a similar way: “a soldier who defected to the enemy and surrendered.” See, e.g., V.F. Nikitchenko, *Dictionary of Counterintelligence* [in Russian] (Moscow: Nauchno-izdatel'skii otdel VKSh KGB im. F.E. Dzerzhinskogo, 1972), 200.

³ F. Ausländer, hrsg., *Verräter oder Vorbilder?: Deserteure und ungehorsame Soldaten im Nationalsozialismus* (Bremen: Ed. Temmen, 1990).

In my opinion, significant assistance in covering the topic could be provided by traditional sources: published documents of the Main Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR⁴ and the Main Political Directorate of the Soviet Army and Soviet Navy⁵ as well as memoirs of Soviet political workers who worked with captured Germans on the front line, including Major L. Kopelev, special propagandist of the 7th Department of the Political Directorate of the North-Western Front (he mentioned the following defectors: Peters, Burda, Maciejewski, Otrombke, and Jäger),⁶ etc. Including the data from the above-mentioned sources in the analysis would make it possible to make a generalized socio-political portrait of a captive defector more accurate and to dive deeper into the mechanism of his decision to defect.⁷

The section "Motives" and the data it provides are the authors' novella. Here the authors tried not only to identify and group the main reasons for the actions of defectors, but also to correlate them with external factors, namely, conditions and course of military operations on the Soviet–German front. R. Larintsev and A. Zablotskii interpreted the data under analysis (93 questionnaires, of which 17 mention motives. – V. V.) in favor of the primacy of personal motives over ideological ones. It is noted that during the first period of the war, Wehrmacht soldiers most often defected to the Red Army for ideological reasons, but during the period of the first major crisis of the German army, the winter of 1941/42, purely personal considerations began to play a significant role. The authors also recorded the emergence of one more reason for the defection to the Red Army among Wehrmacht soldiers of non-German ethnicity, such as Poles and Alsatians, at the turn of 1941/42. It was dissemination of information about the formation of the Polish army of General W. Anders in the USSR and the actions of the Free French Forces (first the squadron and then the Normandie–Niemen Fighter Regiment). However, it would be methodologically incorrect not to thoroughly expand the theoretical part of this section. The authors of the work did not explain or propose their own version of the content, for example, of the term "voluntarily," nor did they dwell on the content of the definitions of motive and reason. In my opinion, that did not allow the researchers

⁴ See, e.g., series of collections (5 volumes in 6 books) edited by Professor M. Zagorul'ko, including M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, and T.V. Tsarevskaya, comps., *Prisoners of War in the USSR 1939–1956. Documents and Materials* [in Russian] (Moscow: Logos, 2000).

⁵ See *Informatsionnyi byulleten'* "Opyt raboty na voiska i naseleniya protivnika" 7-go otdela Glav PU RKKA [in Russian], no. 8 (1943).

⁶ See, e.g., "Listovki 1941–1943 gg." [Leaflets, 1941–1943]. F. 2549, op. 3, d. 551, ll. 5, 5 ob., 16. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [Russian State Archive of Literature and Art] (RGALI), Moscow, Russia.

⁷ For the story of the capture of Franz Burda, see H. Böll, and L. Kopelew, *Warum haben wir aufeinander geschossen?* (Bornheim-Merten: Lamuv-Verlag, 1981), 92–93.

to maintain the “purity of the experiment” and name the conditions and factors that influenced the mechanism for making the decision to defect to the enemy. Probably, this is why one of the most important reasons for the defection, the impact of Soviet front-line propaganda, was not analyzed. Thus, it should be understood that the motivation for defection is always a complex, multi-level category. It is also individual and subjective, so the term “voluntarily” becomes a characteristic regarding a specific time as well as evaluation.⁸

The authors of the article link the completeness of data on the defectors’ motives in the materials of front-line intelligence officers with their personal initiative and emphasize the fact that a defector was much more valuable in terms of the “quality” (truthfulness) of operational information than a prisoner captured in battle. At the same time, the researchers themselves link the value and amount of information that a prisoner of war possessed with the length of time spent by the Wehrmacht or the Nazi coalition soldiers at the front. It is quite natural to assume that the amount and “quality” of information available to a defector was perceived by him as a guarantee of sparing his life, a kind of insurance. There were instances when prisoners of war pretended to be a significant person and/or “owner of secrets” only in order to prolong the intrigue and keep the enemy’s “interest” up. In their opinion, such a behavioral strategy guaranteed staying alive or even receiving some special preferences.⁹

Unlike front-line intelligence agencies, which, as researchers show, were interested in the motives of defectors in 20% of cases only, clarification of the circumstances of captivity (including motives) was one of the constant and main topics of interrogation by special propagandists and subsequently by representatives of the Directorate for Prisoners of War and Internees of the NKVD of the USSR.¹⁰ The fact that

⁸ Meanwhile, there is a well-known fact, spread by the multimillion-copy publication *Einer von Millionen* (See J.H. Wigmans, *Einer von Millionen. 10 Jahre Russland und Sibirien*, Sonderausgabe (Eindhoven: Lecturis Verlag Eindhoven, 1973)) when a person (a Dutch) who had *voluntarily* joined the Wehrmacht in 1941 on July 23, 1942, being a company commander of the 471st Infantry Regiment of the 251st Infantry Division, crossed the front line, also *voluntarily*, near the village of Kokoshino (13 km north of Chertolino station) near Rzhev. See “Lichnoe delo voennoplennogo I. Vigmansa” [Personal file of prisoner of war J. Wigmans]. F. 460, d. OZ-1859853, l. 35. Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian State Military Archive] (RGVA), Moscow, Russia.

⁹ See V.A. Vsevolodov, “For Permanent Storage!” = “Zur ständigen Aufbewahrung”: A Brief History of the Prisoner-of-War and Internment Camp of the UPVI NKVD-MVD USSR no. 27 (1942–1950) [in Russian] (Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, 2003), 59.

¹⁰ “On the Shortcomings of a Political Interrogation of Prisoners of War” [in Russian], *Informatsionnyi byulleten' “Opyt raboty na voiska i naseleniya protivnika” 7-go otdela Glav PU RKKA*, no. 8 (1943): 27.

psychological portraits of prisoners, recreated by Major L. Kopelev many years later, are unusually accurate and detailed,¹¹ shows how important it was for special propagandists to study a prisoner's personality. In this context, the personality of the interviewer is no less significant because the result of the dialogue (the operational information obtained – V. V.) depended on the professionalism of the representatives of the "receiving party," including their mastery of psychological techniques.¹²

Despite the fact that the researchers made an attempted to calculate the number of defectors in 1941–43, relying primarily on newly introduced scientific sources, including American sources, they did not manage to present convincing statistics, even on the scale of the northern section of the Soviet–German front. That is why they turned to the other sectors of the front and included their data in the statistics. However, these actions did not lead to the determination of the total number of defectors within the designated framework either by year or for the specified period as a whole. The indicators of defections remained within a vague framework from "exceptional" to "massive." At the same time, based on the results of the source analysis, the authors were able to obtain summary data on the nationality of defectors. Among the identified defectors, the following were noted: 57 Germans, 20 Poles, 5 natives of Luxembourg, 11 Alsatians, three persons each of Czechs and Latvians, and the nationality of the rest was not indicated in the documents. The authors of the article emphasize that this information did not come as a surprise to them. According to the results of the analysis, the share of residents of the territories annexed by Germany among those who defected to the Red Army turned out to be significantly higher than their share in the Wehrmacht, which is quite explicable.

It should also be noted that the statistical data presented by the authors in the article do not correlate with each other. There are 93 questionnaires, 17 of which indicate motives, and a theoretic figure of 120–150 defectors from Army Group North for 1943. At the same time, the distribution of defectors by nationality (99 people) does not coincide with the number 93 from the questionnaires. Thus, the rest, approximately 20–50 people, probably did not participate in the sorting by nationality. The motives for their actions are also unknown or not presented in front-line documents.

¹¹ See L.Z. Kopelev, *To Be Preserved Forever* [in Russian] (Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2004), vol. 2, 59–60, 75.

¹² "Not an interrogation, but a conversation," L. Kopelev used to say, emphasizing that the tone and nature of communication with a prisoner of war is the main basis for the results. See V.A. Vsevolodov, "The Literary Heritage of the 'Black Major': Lev Kopelev, a Propagandist" [in Russian], in *Almanac of German history*, iss. 1, *To the 100th Anniversary of Lev Kopelev's Birth. Industrial Society in Germany and Its Development. The Germans and the "Agency"*, ed. V.V. Ishchenko (Moscow: Lenand, 2013), 78–88.

Taking into account the lacunae identified, the general conclusions drawn by the authors of the article within the specified parameters and the interpretation of the results obtained are expected and logical. The researchers were able to trace the relationship between the situation at the front and the number of defectors and also determine that soldiers of non-German ethnicity constituted a significant proportion of the defectors.

Without claiming to be true, the authors of the article suggest the possibility of adjusting the data presented by them when expanding the research field, and thus they declare the opening of a new discussion.

At the same time, it should be noted that the research tools are limited. The method of comparative statistics, supported, for example, by the methods of social and military psychology,¹³ in my opinion, would improve the "quality" of exploring the topic, especially in connection with identifying the full spectrum of motivation for defection. The narrowness of the research source base and, as a result, the paucity of the data provided did not allow the authors to conduct any sampling based on other important characteristics, such as age, education, religion, etc., i.e. everything that collectively characterizes a person and forms the motivational basis for the acts of defection to the Red Army that were performed or were likely to be performed by the enemy soldiers and officers.¹⁴ The latter category (officers) was not reflected either in the section "Motives" or in the section "Nimbners." Due to the fact that there is a territorial limitation specified by the authors and the statistics operate mainly on data from the northern section of the Soviet–German front, it would be logical to amend the title of the article as it is proposed below: "Defectors from the Wehrmacht on the Northern Section of the Soviet–German Front in 1941–1943."

In general, the article should be considered as an announcement and application for the development of a topical issue. Thus, it can be stated that despite all the noted shortcomings and disputability of some theses and provisions, the presented work is innovative in nature, interesting both in the presentation of the material and in its content, and opens up new prospects for studying the subject of captivity in the USSR. Hopefully this article will start a new round of research into the history of military captivity of World War II.

¹³ S. Neitzel, and H. Welzer, *Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben* (Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012); K.V. Sel'chenok, comp., *Problems of Military Psychology* [in Russian] (Minsk: Kharvest, 2003).

¹⁴ H.P. Klausch, *Antifaschisten in SS-Uniform. Schicksal und Widerstand der deutschen politischen KZ-Häftlinge, Zuchthaus- und Wehrmachtsgefangenen in der SS-Sonderformation Dirlewanger* (Bremen: Ed. Temmen, 1993).

Список литературы

Военнопленные в СССР 1939–1956. Документы и материалы / составители М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. Москва: Логос, 2000. 1120 с.

Всеволодов В.А. «Срок хранения – постоянно!» = “Zur ständigen Aufbewahrung”: краткая история лагеря военнопленных и интернированных УПВИ НКВД-МВД СССР № 27 (1942–1950 гг.). Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 2003. 271 с.

Всеволодов В.А. Литературное наследие «черного майора»: Лев Копелев – пропагандист // Альманах германской истории. Вып. 1. К 100-летию со дня рождения Льва Копелева. Индустриальное общество в Германии и его развитие. Немцы и «Ведомство» / под редакцией В.В. Ищенко. Москва: Ленанд, 2013. С. 78–88.

Копелев Л.З. Хранить вечно: в 2 кн. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004.

О недостатках политического опроса военнопленных // Информационный бюллетень «Опыт работы на войска и населения противника» 7-го отдела Глав ПУ РККА. 1943. № 8. С. 27.

Проблемы военной психологии / составитель К.В. Сельченко. Минск: Харвест, 2003. 636 с.

Böll H., Kopelew L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Merten: Lamuv-Verlag, 1981. 222 S.

Klausch H.P. Antifaschisten in SS-Uniform. Schicksal und Widerstand der deutschen politischen KZ-Häftlinge, Zuchthaus- und Wehrmachtsgefangenen in der SS-Sonderformation Dirlewanger. Bremen: Ed. Temmen, 1993. 591 S.

Neitzel S., Welzer H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012. 520 S.

Verräter oder Vorbilder?: Deserteure und ungehorsame Soldaten im Nationalsozialismus / herausgegeben von F. Ausländer. Bremen: Ed. Temmen, 1990. 204 S.

Wigmans J.H. Einer von Millionen. 10 Jahre Russland und Sibirien. Sonderausgabe. Eindhoven: Lecturis Verlag Eindhoven, 1973. 264 S.

References

Ausländer, F., hrsg. *Verräter oder Vorbilder?: Deserteure und ungehorsame Soldaten im Nationalsozialismus*. Bremen: Edition Temmen, 1990.

Böll, H., and L. Kopelew. *Warum haben wir aufeinander geschossen?* Bornheim-Merten: Lamuv-Verlag, 1981.

Klausch, H.P. *Antifaschisten in SS-Uniform. Schicksal und Widerstand der deutschen politischen KZ-Häftlinge, Zuchthaus- und Wehrmachtsgefangenen in der SS-Sonderformation Dirlewanger*. Bremen: Ed. Temmen, 1993.

Kopelev, L.Z. *Khranit' vechno* [To be preserved forever]. 2 bks. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2004. (In Russian)

Neitzel, S., and H. Welzer. *Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 2012.

“O nedostatkakh politicheskogo oprosa voennoplennykh” [On the shortcomings of political interrogation of prisoners of war]. *Informatsionnyi byulleten' “Opyt raboty na voiska i naseleniya protivnika” 7-go otдела Глав ПУ РККА*, no. 8 (1943): 27. (In Russian)

Sel'chenok, K.V., comp. *Problemy voennoi psikhologii* [Problems of military psychology]. Minsk: Kharvest, 2003. (In Russian)

Vsevolodov, V.A. “Literaturnoe nasledie ‘chernogo maiora’: Lev Kopelev – propagandist” [The literary heritage of the ‘black major’: Lev Kopelev, a propagandist]. In *Al'manakh germanskoi istorii* [Almanac of German history], iss. 1, *K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L'va Kopeleva. Industrial'noe obshchestvo v Germanii i ego razvitie. Nemtsy i “Vedomstvo”* [To the 100th anniversary of Lev Kopelev’s birth. Industrial society in Germany and its development. The Germans and the “Agency”], edited by V.V. Ishchenko, 78–88. Moscow: Lenand, 2013. (In Russian)

Vsevolodov, V.A. “*Srok khraneniya – postoyanno!*” = “*Zur ständigen Aufbewahrung*”: *kratkaya istoriya lagerya voennoplennykh i internirovannykh UPVI NKVD-MVD SSSR № 27 (1942–1950 gg.)* [“For permanent storage!” = “Zur ständigen Aufbewahrung”: a brief history of the prisoner-of-war and internment camp of the UPVI NKVD-MVD USSR no. 27 (1942–1950)]. Krasnogorsk: Memorial'nyi muzei nemetskikh antifashistov, 2003. (In Russian)

Wigmans, J.H. *Einer von Millionen. 10 Jahre Russland und Sibirien*. Sonderausgabe. Eindhoven: Lecturis Verlag Eindhoven, 1973.

Zagorul'ko, M.M., S.G. Sidorov, and T.V. Tsarevskaya, comps. *Voennoplennye v SSSR 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR, 1939–1956. Documents and materials]. Moscow: Logos, 2000. (In Russian)

Информация об авторе

Владимир Анатольевич Всеволодов – кандидат исторических наук, профессор отделения военной истории, <https://orcid.org/0009-0002-2885-2830>, vsevolod@bk.ru, Академия военных наук (д. 14, пр-т Университетский, 119330 Москва, Россия).

Information about the author

Vladimir A. Vsevolodov – Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Military History, <https://orcid.org/0009-0002-2885-2830>, vsevolod@bk.ru, Academy of Military Science (14, pr. Universitetskii, 119330 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 26.09.2023.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 26.09.2023.